

Первая всемирная конференция по регулированию электронной коммерции прошла в Китае 9-10 февраля. Первый заместитель руководителя ФТС РФ, вице-председатель Совета Всемирной таможенной организации по Европейскому региону Руслан Давыдов в интервью РИА Новости рассказал о необходимости появления института уполномоченных операторов интернет-торговли, модернизации Почты России, а также о том, когда в России реально заработает система tax free.

— В Пекине прошла первая всемирная конференция по вопросам регулирования интернет-торговли, что удалось обсудить, решить, и какова позиция России по этим вопросам?

— Конференция действительно стала первым по-настоящему крупным глобальным форумом, попыткой коллективно сформулировать общие правила регулирования электронной коммерции. Участвовали представители около 130 стран, лидеры международных организаций (ВТамО, ВТО, ИКАО, Всемирный почтовый союз и др.), таможенные службы 95 стран были представлены на уровне руководства, собрались представители ведущих компаний интернет-торговли.

Я выступал в сессии, которая называлась "Статус-кво: допустим ли он дальше, и если не допустим, то что делать". Наша позиция заключается в том, что текущее регулирование электронной коммерции уже не удовлетворяет состоянию дел в современном мире, и необходимо выработать единые подходы к ее дальнейшему развитию и контролю. Практически все мировое таможенное сообщество сходится во мнении: электронную коммерцию необходимо ввести в определенные рамки. Даже китайцы согласны с тем, что это нужно делать, но как именно — здесь мнения расходятся. Например, глава Alibaba Джек Ма считает, что необходимо открыть все границы, максимально упростить все процедуры, убрать таможенные пошлины и дать возможность товарам из интернет-магазинов свободно перемещаться по всему миру, как будто нет таможенных границ.

В своем выступлении я сказал, что таможенники всех стран сходятся во мнении: интернет-торговля превратилась в новый, особый вид торговли, и ее нужно особым образом отрегулировать. ВТамО уже согласовала в конце прошлого года в Луксоре (Египет) принципы такого регулирования: полный и справедливый сбор платежей, защита прав интеллектуальной собственности, борьба с правонарушениями и с контрабандой наркотиков, безопасность торговли. Все это должно войти в единые

рамочные стандарты. Очень важны информационный обмен и взаимодействие игроков. Это и платформы, и логисты — почта и экспресс-перевозчики, — и таможенные органы, и другие госорганы, которые принимают участие в разных видах контроля.

— С какими предложениями в рамках конференции выступила российская сторона?

— В Пекине мы вновь выдвинули идею уполномоченного оператора интернет-торговли. На сегодняшний день в России несколько десятков миллионов граждан покупают товары через интернет. Естественно, невозможно контролировать каждого и проверять, правильно ли заявлены стоимость или код товара. Никаких ресурсов на это не хватит. Поэтому выход очевиден — нужно создать новый институт.

В традиционной внешней торговле есть уполномоченные экономические операторы. Это проверенные компании, которые вносят залог, отвечают имуществом, собственностью, и им предоставляются определенные права на упрощение процедур и на уплату платежей в облегченном формате. Такую схему нужно сделать и для интернет-торговли. Эти специализированные операторы будут контактировать с торговыми площадками и отвечать за уплату платежей.

Подчеркну: речь идет об институте уполномоченных операторов интернет-торговли, а не об одной структуре на всю страну. Таких организаций должно быть несколько десятков. Для сравнения, сейчас у нас в стране 170 уполномоченных экономических операторов. Поэтому по инициативе России создана рабочая группа при Всемирной таможенной организации, и мы будем продолжать там эти идеи продвигать.

— Несколько десятков операторов — это только в России?

— Конечно, это только в России. На самом деле, не обязательно все страны должны действовать абсолютно одинаково. Везде условия и объемы разные.

Россия стоит особняком по темпам роста трансграничной торговли. Объемы

интернет-торговли в целом у нас пока меньше, чем в Европе, зато доля трансграничной гораздо больше. В Европе нет таможенных границ между странами, и в большинстве случаев товары не пересекают таможенную границу. А для России интернет-торговля — это пока что в основном покупка товаров за рубежом: 90% — Китай, 4% — Европа, 2% — США и 4% — остальной мир.

— А у нашего экспорта в рамках трансграничной электронной коммерции какие показатели?

— Экспорт товаров из России по интернет-торговле пока идет слабо. Хотя процедуры для этого максимально упрощены государством. Мы вместе с Почтой России внедрили эксперимент, сделали упрощенный порядок экспорта по почтовой накладной ЦН23, декларацию заполнять не нужно. Однако объемы вывоза в тысячи раз меньше, чем ввоза.

Столь масштабная диспропорция между ввозом и вывозом товаров в интернет-торговле тоже уникальна. Ведь открывая рынок и оставляя его без контролирующих инструментов, мы убиваем собственное производство, не даем развиваться нашим производителям, дешевый зарубежный товар приходит, и на этом вся история отечественного производства заканчивается.

— С кем вы встречались в ходе визита в Пекин, что обсуждали с китайской стороной?

— Мы провели встречу с руководством Главного таможенного управления Китая, она была конструктивной, полезной и продуктивной. Мы разговаривали на час больше запланированного. Сотрудничество России и Китая в таможенной сфере многопланово, осуществляется на центральном и региональном уровнях.

Китай остается первым торговым партнером России. В 2017 году товарооборот показал рост 32%, он перешагнул порог в 80 миллиардов долларов во взаимном товарообороте и приблизился к докризисному уровню (почти 100 миллиардов). Лидерами наших стран была поставлена задача довести эти цифры до 200 миллиардов.

Мы говорили с китайской стороной, что таможи двух стран могут быть драйверами этого роста за счет упрощения процедур, за счет выведения части теневого оборота в белый сектор. Кроме того, таможенная статистика указывает, что потоки товаров, предназначенных для российского рынка, также идут через Казахстан и Киргизию.

Контакты таможенных служб, в целом, направлены на укрепление политического и торгово-экономического сотрудничества с Китаем. Ну а наша частная задача — это содействие развитию товарооборота.

— За счет чего этого можно добиться?

— Есть ряд мер — это упрощение процедур, организация совместного контроля. У нас эти проекты уже реализуются: "зеленый коридор", взаимное признание результатов таможенного контроля, обмен рентгеновскими снимками инспекционно-досмотровых комплексов.

Я несколько лет не был в Китае, и изменения заметны. Китайские компании активно взаимодействуют с таможней. К примеру, мы посетили Huawei и Nucotech, которые помогают таможне внедрять перспективные технологии, телекоммуникации, связь, систему единого окна, инспекционно-досмотровые комплексы, систему отслеживания товаров.

У китайцев есть "умные пломбы", у них они работают на GPS, а мы планируем это сделать на основе ГЛОНАССа, уже есть пилотные наработки. Представьте: машина, контейнер или вагон проходят, и инспектор видит все движение товара, пломба гарантирует, что этот груз не вскрывался, не подменялся, не перегружался. Видны все отклонения, если они были.

В Китае довольно эффективно построено взаимодействие государства и бизнеса в сфере развития инфраструктуры внешней торговли. Те же Huawei и Nucotech целенаправленно работают на развитие таможенной инфраструктуры. Это пример государственно-частного партнерства для решения крупных национальных задач, может

быть, благодаря этому в Китае настолько заметен прогресс.

— Можем ли мы как-то обмениваться такими технологиями?

— Китайские коллеги с 2015 года провели модернизацию, мы тоже серьезно выросли в плане информационных технологий. Мы договорились более подробно ознакомиться с достижениями друг друга в сфере применения информационных технологий.

— Какие еще совместные проекты обсуждались?

— Нам также интересна организация совместного контроля с участием сотрудников представительства ФТС России в Китае. Мы попросили рассмотреть возможность присутствия наших таможенников еще в двух точках, в Шанхае и Харбине, сейчас наши сотрудники присутствуют только в Пекине и Гонконге. Предварительное согласие получено.

Еще — предотгрузочная инспекция, когда в местах логистических терминалов находятся наши сотрудники, вместе с китайцами контролируют загрузку, потом навешиваются "умные пломбы" — и груз пошел. Он быстрее пересекает границу и доходит до места назначения, и самое главное — есть гарантия того, что груз не подменялся, что там именно тот товар, который заявлен, и по указанной стоимости.

— Будет ли под это сформирована какая-то новая система документирования?

— Сейчас ФТС России с налоговой службой работает над созданием единого механизма администрирования налоговых, таможенных и иных платежей. В этой связи мы решаем также задачу сопоставления сведений между китайскими экспортными декларациями и российскими декларациями на товары при импорте. Это — элемент выстраивания безопасных цепочек поставки, когда можно проследить движение товара от точки загрузки товара в Китае до точки его выгрузки на складе в России и дальше вплоть до реализации в розницу в магазине. Когда на всех шагах можно будет отследить, что за товар уплачены таможенные, налоговые и иные платежи, пошлины, акцизы, сборы,

тогда увеличатся платежи в бюджет и качество товаров будет гарантировано. Вчера мы об этом только мечтали, сегодня информационные технологии позволяют это сделать.

С Китаем обсуждаются и политические треки, наши совместные и скоординированные действия в рамках ВТамО. Есть ряд принципиальных вопросов, по которым Россия и КНР имеют общие позиции, например, по вопросу недопущения членства Косово во ВТамО. Позиции по сотрудничеству в рамках ШОС и БРИКС тоже во многом близки.

— Когда можно ожидать начала эксплуатации этих самых "умных пломб"?

— У нас пломбы ГЛОНАСС применяются для транзита через Беларусь на Казахстан несанкционной продукции. Сейчас такой проект для всего пространства ЕАЭС находится в процессе согласования. Мы ведем переговоры с "Платоном" и с ГЛОНАССом. Китайцы в этом вопросе нас опережают. Транзит с пломбами у них уже практически работает, а для ЕАЭС только запускается пилотный проект. Надо это делать оперативно. Если бы сроки зависели только от ФТС России, то я бы говорил уверенно, но надеюсь, что в этом году проект стартует в пилотном варианте и начнется его обкатка.

Китайским коллегам я предложил подумать над совместным использованием их работающих технологий. Вопрос в том, готовы ли они будут допустить нас к информации об "умных пломбах" для решения технических проблем. Мы принципиально на GPS не будем переходить, нужно будет подгрузить ГЛОНАСС. Должны работать обе системы, чтобы машина с GPS шла по китайской территории, а на российской к ней мы подключились через ГЛОНАСС, чтобы вести дальше.

— То есть совместный российско-китайский проект в этой области все же стоит ожидать?

— Относительно такого сотрудничества есть оптимизм, но осторожный. Нужны принципиальные решения с китайской стороны, ведь придется делиться информацией о стоимости, о компаниях. Здесь многое зависит от того, насколько китайская сторона готова раскрываться. Как я понимаю, там идет движение в направлении прозрачности, упорядоченности.

Мы тоже должны определиться, на каких основаниях мы пропускаем товар и почему признаем результаты китайского контроля. Если потом обнаружится контрабанда, нас спросят, какие были основания доверять зарубежным партнерам и не проводить свой контроль.

— У России с Китаем все активнее растет товарооборот, соответственно, увеличивается нагрузка на таможенную службу, как вы с этим справляетесь?

— Товарооборот растет активно. Даже после падения курса рубля в прошлом физические объемы не очень упали и росли по отдельным группам.

ФТС России реализует комплексную программу развития до 2020 года, мы переходим на центры электронного декларирования. У нас уже сейчас 100% электронное декларирование, внедряются автоматическая регистрация и автоматический выпуск — вообще без участия человека: если риски не сработали, декларация регистрируется и выпускается. Мы применяем современные технологии контроля, и к 2020 году таможенная служба станет полностью электронной.

Но у нас есть проблема с пунктами пропуска, которой нет у Китая. В обустройстве пунктов пропуска китайцы нас обгоняют. У них построено пять пунктов пропуска на самом современном уровне. Установлены автоматические считыватели, автоматические рамки, весовое оборудование. Все делается качественно, по-новому, и скорость другая. Из этих пяти современных пунктов пропуска ни один не расположен на российско-китайской границе.

Пока есть сложности с инвестициями в новые пункты пропуска, мы предложили китайцам проект по совместному контролю, чтобы использовать их инфраструктуру. Если мы договоримся о том, что наши инспекторы или представители будут в местах отгрузки, в логистических хабах, и мы будем уверены, что груз опечатан техническими средствами, прошел через пункт пропуска, досмотрен на инспекционно-досмотровом комплексе, то почему бы не взять эту информацию и не использовать ее дальше в электронном виде?

Такие предложения мы сделали, но нужно понимать, что в Китае процедуры обсуждения идут не быстро.

— В прошлом году по всему Китаю заработала система одного окна, как это сказывается на работе с Россией?

— В первую очередь, любое национальное "единое окно" идет на пользу национальным компаниям. Компаниям, которые сотрудничают с Россией, в Китае стало легче. В проекте "одно окно" участвовали компании Nutech и Huawei — с оборудованием, с пакетным решением, то есть это была настоящая государственная задача.

Мы тоже строим систему "одного окна", у нас есть портал "Морской порт" для морских грузов, и он тоже существенно помог участникам ВЭД. В мире наработано много технологических решений, на которые можно ориентироваться. Например, в Роттердаме, Голландия, на огромной территории порта трудится всего два человека, остальное — роботы. Это — огромные инвестиции, в этот порт было вложено порядка 39 миллиардов евро.

Когда говорят, что таможня должна сделать шаг вперед, нужно понимать, что требуются инвестиции, в том числе в инфраструктуру пунктов пропуска на море, в аэропортах, на железнодорожных переходах. В России только автомобильных пунктов пропуска 172, и портов у нас около 20, где идет активная работа. Поэтому и денег нужно больше, чем в других странах.

— А в сфере электронной коммерции какие новые проекты разрабатываются?

— В этом году мы с Почтой России запустим эксперимент по автоматизированному взиманию платежей. Товары для физических лиц стоимостью свыше 1000 евро, за которые положено уплачивать таможенные платежи, мы будем отслеживать автоматически. Почта будет взаимодействовать с торговыми площадками, в том числе с китайскими, где покупатель заявил реальную стоимость. Сейчас стоимость отправления нередко заявляется недостоверно, при разбирательстве теряется время, возникает недовольство у потребителя. Получение информации о цене покупки с торговой площадки поможет избежать конфликтов. И справедливое, прозрачное и полное

взимание платежей будет осуществимо.

Все это нужно делать в автоматическом режиме. У нас сейчас в день приходит практически миллион посылок. Их невозможно обрабатывать вручную. Почта модернизируется. К примеру, в Подмосковье открыт современный терминал, в Казани недавно открыли такой терминал, где сортировочные машины на большой скорости и с большой аккуратностью сортируют посылки. Каждый пакет находится в отдельной ячейке, на них штрих-коды, машины это все считывают, распределяют. По-другому с такими объемами справиться невозможно.

— Когда будет принято решение о пороге беспошлинной интернет-торговли с ЕАЭС?

— Недавно председатель правительства РФ Дмитрий Анатольевич Медведев в Алма-Ате подтвердил, что решение о пороге принято. До конца этого года он будет на уровне 1000 евро, с 1 января следующего года он будет снижен до 500 евро, и с 1 января 2020 года — до 200 евро.

— У всех стран он будет равным?

— Есть оговорка, что страны могут двигаться своими темпами, но в рамках контрольной точки. У нас и сейчас разные пороги. В России, Казахстане и Киргизии беспошлинный порог составляет 1000 евро. В Армении — 400 евро. Беларусь еще в 2016 году сделала 22 евро, как в Евросоюзе. Конечно, если у нас экономический союз, то регулирование должно быть одинаковым и по санкционной тематике, и по порогам, и по другим чувствительным для экономики вопросам.

Вновь отмечу, что интернет-торговля — это новый вид торговли. Для товаров физических лиц в личных целях может быть беспошлинный порог на таможне. А товары в торговом обороте — это предмет налогообложения. Этот вопрос входит в полномочия налоговой службы, Минфина, комиссии по тарифному регулированию и других государственных органов.

— Когда в России реально заработает система tax free и как таможня к этому готовится?

— У нас сейчас пять точек — три московских аэропорта, Пулково и Сочи. Понадобятся люди, будем изыскивать внутренние резервы и перебрасывать с других участков. Штатную численность под этот проект нам не добавляют, мы справимся за счет технологических решений. Задача таможне определена узкая — проставить отметку и проконтролировать, чтобы товар, который заявлен к возврату НДС, реально был вывезен.

В целом администрирование возврата вывозного НДС закреплено за налоговой службой. Как известно, принципиальные решения приняты, как только постановление правительства выйдет — можно начинать работать.